

Пообедав, Сун Ян увидел, что Цяо Инь пока не собирается уходить. Выставлять его за дверь было как-то неудобно: в конце концов, тот недавно объяснил ему причину, по которой его опоили, пусть он тогда ничего и не понял. Если прогнать его сейчас, это выставит его черствым, бессердечным и неблагодарным человеком.

— Канцелярия премьер-министра нынче так свободна?

Цяо Инь как раз опустил взгляд на сборник историй, найденный в комнате Сун Яна, и, услышав это, приподнял бровь:

— Если говорить о праздности, то кто может сравниться с беззаботным ваном Ань?

Сун Ян сделал вид, будто не расслышал насмешки в его словах, и счел это за комплимент. Он лениво прислонился к мягкой тахте, глядя на гостя, и непринужденно произнес:

— Мм, значит, премьер-министр намерен тратить здесь время впустую вместе с таким бездельником, как этот ван?

Цяо Инь закрыл книгу. Он помнил, что раньше маленький ван любил читать фривольные романы, и не знал, с чего вдруг в последнее время тот увлекся сборниками историй — сплошь байки о призраках и духах да мифы и легенды.

— Раз уж вану не хочется растрачивать время попусту, не соизволит ли он составить мне компанию и прогуляться снаружи?

Нет, спасибо, уважаемый, сидите-ка вы там, где прохладно.

Заметив, что Сун Ян по-прежнему лежит с закрытыми глазами и не двигается, Цяо Инь поднялся, направился к нему и остановился прямо перед ним.

Сун Ян почувствовал, что кто-то словно замер прямо перед ним, и даже мизинцем ноги догадался, что это Цяо Инь, этот гребаный шизофреник.

Он только собрался открыть глаза и спросить, какого черта Цяо Инь пристал, как тот выдохнул ему прямо в ухо:

— Снаружи вана поджидает его сердечный друг, который ждет его уже добрую половину дня. Ван уверен, что не хочет пойти взглянуть?

У Сун Яна мурашки побежали по коже. Он в панике открыл глаза, оттолкнул стоявшего перед ним человека, с покрасневшимся миловидным лицом и растерянным видом кое-как уселся ровно и принял серьезный вид:

— Раз премьер-министр сам завел об этом речь, этот ван пойдет и взглянет.

Он и не подозревал, что в глазах Цяо Иня его выражение лица выглядело бело-розовым, застенчивым и робким, а в уголках глаз плескалась весенняя влага — от такого зрелища просто невозможно было удержаться, чтобы не проглотить целиком.

Цяо Инь подавил странное чувство в груди, поднял Сун Яна с мягкой тахты и вместе с ним направился к выходу из поместья вана Ань.

У ворот поместья действительно стоял юноша с бледным и чистым лицом, хрупкий и нежный на вид. Судя по всему, он прождал здесь очень долго: пот скатывался по его прелестному личику, и юноша торопливо стирал его платком.

— Оказывается, вану нравится этот тип, — с улыбкой произнес Цяо Инь, глядя на Сун Яна со сплошными насмешками во взгляде. Выражение его лица было точь-в-точь как в прошлый раз с Ци Сичжао, что заставило Сун Яна онеметь от досады.

Он не такой, он не любит таких, перестаньте нести чушь!

Этот перед ними — любимчик никчемного вана! К нему самому это не имеет никакого отношения!

Стоило Сун Яну появиться в дверях, как глаза юноши засияли. С криком «Ван!» он попытался броситься вперед, но его преградили слуги у входа.

Сун Ян испуганно вздрогнул: это еще что такое? К чему этот спектакль в стиле голодного тигра, бросающегося на добычу?

У юноши покраснели края глаз, в них застыли готовые сорваться слезы, и вид у него был до жалости несчастный. Скорбно глядя на Сун Яна, он с горькой обидой протянул:

— Ван, неужели ты бросил меня?

Сун Ян в нерешительности произнес:

— А вы кто?

Юноша закатил глаза и чуть не лишился чувств:

— Как же жесток ван! Неужели ты выбросил из памяти все наши прежние клятвы в верности до гроба?

Видя, что Сун Ян по-прежнему смотрит на него с полным непониманием, юноша наконец утратил всякую надежду. Выкрикнув: «Раз ван уже давно всё забыл, какой смысл мне одному помнить об этом!», он собрался с разбегу удариться головой о стену резиденции.

Сун Ян в ужасе поспешно приказал остановить его.

Юношу перехватили. Робко глядя на Сун Яна, он шмыгнул носом:

— Похоже, ван всё же переживает за меня.

— Ха-ха. — Цяо Инь, до этого хранивший молчание, вдруг холодно усмехнулся, привлекая к себе внимание юноши.

Заметив Цяо Иня, юноша страшно испугался, и в его глазах, устремленных на Сун Яна, застыло сплошное обвинение:

— Кто этот человек? Ван, разве ты не говорил мне тогда, что я у тебя один-единственный?

Сун Ян с виноватым видом потрогал нос: он такого не говорил, а значит, и не считается.

Цяо Инь, впрочем, не обратил внимания на обвинения и сердитый взгляд юноши. Ему было лень продолжать смотреть это представление, и он бросил на Сун Яна многозначительный взгляд:

— Разбирайтесь сами, ван.

С этими словами он широким шагом вышел из резиденции вана, поднялся в ожидавшую его карету и уехал.

У Сун Яна не оставалось другого выхода: оставлять человека кричать и платить у ворот было нельзя, поэтому он велел завести юношу внутрь.

Цяо Инь отъехал недалеко. Через окно кареты он увидел, как Сун Ян увёл гостя в поместье, и уголки его губ, обычно приподнятые вверх, на этот раз опустились вниз. Какое-то смутное, неопределённое чувство засело в глубине души, вызывая сильнейшее раздражение — словно что-то ускользало из-под его контроля.

Цяо Инь тихо цыкнул и отдал приказ кучеру:

— Не возвращайся в поместье, поезжай в Иньцзылоу к Сюй Цюянь.

Кучер тихо ответил «слушаюсь» и развернул карету в сторону Иньцзылоу.

Сун Ян на самом деле всё еще стоял у врат, молча наблюдая за тем, как карета Цяо Иня отъехала, но затем внезапно вернулась. Сначала она держала курс в сторону канцелярии премьер-министра, но вдруг круто изменила направление и покатила в противоположную сторону, вызывая немалые подозрения.

Он ведь прекрасно знал обо всем: кто подсыпал ему яд, кто поддерживал по дороге домой, кто желал его смерти и кто пытался им воспользоваться. Пусть он и не мог четко вспомнить сюжет оригинальной книги, но эти вещи решались элементарно при малейшем размышлении.

Просто ему было лень думать, лень за что-то бороться. Жизнь сама по себе уже казалась слишком тяжелой, так зачем еще ломать голову над неприятными вещами? Ему хотелось лишь посмотреть, на что еще способны эти люди, и в этом плане он ничуть не отличался от прежнего хозяина тела.

И всё же ему хотелось услышать из уст самого Цяо Иня правду, поэтому он притворился непонимающим и заставил того заговорить. Он боялся, что Цяо Инь обманет его, ведь тогда он останется в этом мире абсолютно один и без какой-либо поддержки.

Он верил Цяо Иню, но тот всё равно обманул его доверие и солгал.

Да ну и ладно, разве у этой истории изначально мог быть какой-то неожиданный исход? Почему же на душе все равно так тоскливо?

Сун Ян не стал показывать, что всё ещё не ушёл, постоял немного на месте и опомнился только тогда, когда Юйтао окликнула его:

— Ван?

— Мм, — ответил Сун Ян и повернулся, чтобы уйти.

Юйтао обернулась и бросила долгий взгляд на закрывающиеся ворота поместья. Ее алые губы слегка сжались, в глазах мелькнул странный, изумленный блеск, после чего она опустила голову и последовала за Сун Яном.

Юноша сидел в комнате, пил чай, лакомился сладостями, которые принес управляющий Чжун, и беззаботно напевал себе под нос мотивчик. Увидев входящего Сун Яна, он больше не устраивал сцен со смертоубийством, а продолжал спокойно есть и пить.

Лишь когда он уплел уже третью тарелку пирожных и громко отрыгнул, то под невыносимым взглядом Сун Яна сдавленным, жеманным голосом произнес:

— Ван, зачем же ты так свирепо уставился на меня? Мне же страшно.

У Сун Яна задергалась жилка на лбу. Подавив непреодолимое желание врезать этому наглецу, он сквозь зубы процедил:

— Опять ты за своё. Тебе нравится этот цирк? Хуа — Цзы — Сянь —

Он только что вспомнил: этот парень — Хуа Цзысянь, племянник кровной матери прежнего хозяина Хуа Мулин, а также единственный оставшийся у того родственник, не считая Сун Шао и Сун Цзина.

Семья Хуа в свое время тоже примкнула к мятежу в поддержку третьего вана Сун Жуя, за что император приговорил весь их род к казни через отсечение голов. Ни один из сотен людей в поместье Хуа тогда не избежал гибели.

Спасся лишь десятилетний на тот момент Хуа Цзысянь, которого временно приютили в резиденции вана Ань.

Позднее, чтобы защитить Хуа Цзысяня, прежний владелец тела отправил его прочь из столицы, в одну семью на юге Цзяннани, где его и растили, пока недавно не вернули обратно.

Сун Ян также знал, что Хуа Цзысянь был не только полон жгучей ненависти, но и являлся той самой последней соломинкой, что сломала спину прежнему хозяину.

<http://bllate.org/book/22434/2356219>